

— Даже если не сохранишь, можешь рассказать другим, все равно меня никто не знает. Разве что это разойдется по всей школе при университете, и девчонки будут плакать, махая платочками. А может, сестра-Ракушка, узнав, станет чаще ходить к ним в гости и просить добавки.

Цзян Дун, не зная его мыслей, был удивлен и, открыв рот, долго не решался кивнуть и сказать: «Мне очень интересно».

Ему действительно хотелось знать.

Иными словами, он хотел узнать историю Чэн Лана.

Это было уже не просто любопытство. Как человек, живущий в увядающей зиме, Цзян Дун хотел знать, всегда ли свет был таким ярким.

Он сомневался в этом — всегда ли это было нормально?

К счастью, Чэн Лан выглядел действительно расслабленно, отвлекся и начал рассказывать:

— Сейчас ты можешь найти это в интернете. Произошел оползень, две машины попали в беду. Одну завалило на горной дороге, другая скатилась вниз по склону. Из шести человек только самый младший ребенок остался невредимым, лежа на полу между сиденьями. Четверо взрослых погибли, и одна из женщин была беременна трехмесячным ребенком.

Цзян Дун слушал, как Чэн Лан вбивал один нож за другим, глаза его расширились, рот слегка приоткрылся, и он смотрел на Чэн Лана с недоверием.

Чэн Лан не смотрел на него, его взгляд был устремлен на закат, а рука на колене непроизвольно сжималась и разжималась.

— Мои родители опустили передние сиденья, чтобы закрыть меня, и накрыли меня железным ведром. Они сами... Защитная сетка на склоне была слишком старой, ветер, дождь, жара и холод сделали ее бесполезной. Большие камни падали с грохотом.

Чэн Лан вдруг указал на далекие горы, и Цзян Дуну показалось, что он указывает на очень конкретное направление, хотя с его позиции все выглядело одинаково — уродливо и голо. Летом, наверное, там было красиво.

— Раньше это была единственная дорога в горы, ведущая в деревню. Но теперь она закрыта из-за глобального потепления, снижения растительности и неустойчивости склонов... Мы ехали на машине, специально из города Сянчжан в город Ань, по той же дороге, по которой мы приехали, — на шоссе, потом съехали, петляли по горам... То лето было прекрасным, горы, деревья, все было красиво. Идеально для пейзажей.

Они привезли меня рисовать пейзажи.

Цзян Дун больше не хотел слушать, он уже догадался, что произошло потом.

В то же время в глубине души поднялось сильное чувство тревоги, словно концентрированная серная кислота, еще не смешавшись с водой, уже обожгла его кожу, заставляя ее трескаться и обнажать красную плоть. Белый дым, поднимавшийся от химической реакции, был запахом гниения.

Если он не ошибался, семья Чэн Лана была в той машине, что завалило на дороге, а та, что скатилась вниз...

— Бабушка с дедушкой усыновили тебя?

Выражение лица Чэн Лана уже вернулось к спокойствию, как будто он действительно рассказывал историю. Его голос был ровным, а лицо бесстрастным, словно он был сторонним наблюдателем.

Он слегка кивнул, подтверждая выводы Цзян Дуна.

— Они были пенсионерами с фабрики полотенец, вырастили сына, который поступил в университет, работал в городе и жил там. Он женился, и они с женой жили вместе меньше полугодом. Они оказались на той дороге, потому что жена была беременна, и они, зная, как бабушка с дедушкой ждут внуков, решили приехать на выходных, чтобы лично сообщить им об этом.

Голос Чэн Лана был ровным, но сердце Цзян Дуна сжалось.

Он вспоминал каждое слово Чэн Лана, каждое из которых само по себе было безболезненным, но, сложенные вместе, они становились мучительными. Одной мысли о том, как эти двое стариков, никогда не покидавших деревню, приехали в большой город, с седыми волосами, растерянно спрашивая у незнакомцев, как добраться до больницы, и, торопясь туда, увидели четыре безжизненных тела и еще не родившегося внука...

Если самым болезненным для Цзян Дуна была его собственная неблагополучная семья и злые люди, то история Чэн Лана вышла за пределы его понимания, став самым тяжелым сожалением.

Он растерянно повернулся, его взгляд был рассеянным, устремленным на спокойное лицо Чэн Лана.

Этот человек был таким идеальным.

Но кто бы мог подумать, что он самый неидеальный.

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, Цзян Дун раскрыл объятия и медленно приблизился.

Его пальцы коснулись плеч Чэн Лана, скользнули к лопаткам, и он крепко обнял этого «взрослого», который был так далек от него.

Он был холоден к родственным связям и не знал, как его утешить.

Он не любил, когда его трогают, не любил причинять неудобства, ненавидел чувства — они были слишком непостоянными.

Но сейчас, обнимая Чэн Лана, он вдруг понял, что тот был намного худее, чем он представлял, словно его тело держалось только на костях. Под этим скелетом были воспоминания и боль, которые невозможно было забыть.

Вспоминая те редкие моменты, когда они ели вместе, Цзян Дун всегда жалел, что Чэн Лан ел так мало.

Он не знал, что в первой половине своего детства этот человек был активным ребенком, полным закусок.

У него была счастливая семья, множество игрушек и идеальная жизнь.

Цзян Дун наклонил голову, стараясь держаться подальше от лица Чэн Лана, долго подбирал слова, губы его шевелились, словно он боролся с собой, и в конце концов с отчаянием опустил глаза.

— Не... не грусти, — фу, это ничего не значит, — лучше поешь или почитай, это лучше, чем думать об этом... правда?

Нервничал.

Рука Цзян Дуна на спине Чэн Лана сжалась, и ему казалось, что он слышит, как его сердце громко бьется.

— Может, я расскажу тебе свою историю? О моей... семье. Хочешь послушать? Я тоже расскажу историю.

Когда он произнес слово «семья», его голос слегка дрогнул, словно он произносил редкое

слово.

Время будто остановилось, но ветер все еще дул, а бледно-розовые облака медленно плыли по небу.

Через какое-то время Цзян Дун услышал неопределенное «фу».

— Ты надавил на мои волосы.

— ... — Цзян Дун замер.

Блин, это так неловко.

Чэн Лан мягко оттолкнул его, и, глядя на растерянного Цзян Дуна, улыбнулся:

— Я не хочу слушать — «идеальный старшеклассник, который, несмотря на неблагополучную семью, поступил в престижный университет, чтобы служить родине». Дети в моем офисе уже устали от этого. Просто я видел, как ты напрягался всю дорогу, и решил рассказать тебе все. Не хмурься, ведь это Новый год. Бабушка увидит и подумает, что я тебя обидел, правда, маленькая звезда?

Цзян Дун:

— Что... какая маленькая звезда?

Он быстро отвлекся.

Чэн Лан усмехнулся:

— Что? Когда мы выходили, бабушка не назвала тебя маленькой звездой, сказав, что ты красивый? Я в комнате слышал... Или тебе больше нравится прозвище «большой булочка»?

Он приподнял бровь, куртка уже давно была расстегнута, и после того, как Цзян Дун неожиданно обнял его, она висела на плечах, обнажая белую вязаную майку, словно он только что получил выговор.

Цзян Дун молча посмотрел на него, затем протянул руку и застегнул молнию на куртке до самого верха. Чэн Лан инстинктивно откинул голову, чтобы не защемить кожу, и засмеялся:

— Что ты делаешь? Опять капризничаешь?

Цзян Дун нахмурился:

— Кто капризничает?!

— Конечно, ты. Ты сначала врезался в меня, чуть не вытолкнул из машины, а теперь пытаешься задушить меня молнией. Ты не только капризный, но и злой.

Цзян Дун сердито отвернулся, перестал с ним разговаривать, спрыгнул с бетонной трубы и, встав, посмотрел на человека сверху.

Солнце было за их спинами, и силуэт Чэн Лана был очерчен красным светом. Из-за контрового света его лицо было неразлично, но Цзян Дун видел его белые зубы, когда он улыбался.

<http://bllate.org/book/15499/1374888>